

13 АПРЕЛЯ 1955 г.

ЛЮДИ КИРГИЗСКОГО ИСКУССТВА

Кыдырбек Чодронов

Сначала Кыдырбеку Чодронову ничто не предвещало артистической карьеры. Семья, в которой он родился, не отличалась музыкальностью. Мальчиком он не засыпал под напев бабушкиных песен, комуз видел только мимоходом у соседей. А в школе, когда детей оставляли петь в хоре, Кыдырбек больше поглядывал в окно: сразиться в футбол со старшими мальчишками казалось ему куда интереснее.

Потом он кончил школу заводского ученичества, начал работать в колбасном цехе Фрунзенского мясокомбината и намеревался поступить в вечерний пищевой техникум.

На мясокомбинате был коллектив художественной самодеятельности. Хор состоял почти из одних женщин, и его руководитель Петр Федорович Шубин в обеденный перерыв, как охотник ходил по цехам в поисках мужских голосов. Однажды он направился в колбасный цех и на пороге замер. Где-то в глубине молодой приятный голос пел: «Бог всеильный, бог любви». Фраза оборвалась, певший начал говорить о чем-то. Но этого было достаточно. Петр Федорович подбежал к Чодронову, взял за плечи и повернул к себе:

— Вы должны прийти в среду в хорошей кружок. Совершенно обязательно.

Приглашение было ласковое, настойчивое, однако Кыдырбека оно не прельстило. И он пришел просто, чтобы не обидеть почтенного человека.

Оказалось, быть хористом не так-то легко. На слух Кыдырбек мог повторить любой мотив. Но приходилось еще запоминать нотные знаки, разбросанные на линейках, выполнять упражнения для голоса с замысловатым названием «карпеджио». Кыдырбеку, в его шестнадцать лет и без всякой музыкальной подготовки такая работа была не по душе. Он, пожалуй, сбежал бы из хора, да стеснялся Петра Федоровича.

Прошло несколько томительных месяцев, прежде чем юноша научился более или менее свободно читать ноты и под аккомпанемент Петра Федоровича петь киргизскую народную песню «Эсимде». Кыдырбек с успехом исполнял ее на вечерах самодеятельности, и на мясокомбинате стали поговаривать о нем: «Здорово поет паренек!».

В один из вечеров (это было, кажется, 1 Мая) Кыдырбеку открылось нечто новое. Тогда он пел, то почувствовал настороженное дыхание зала и, вдруг, всем существом ощутил связь с теми, для кого исполнял «Эсимде». Так в черноглазого пареньке начал пробуждаться артист. За кулисами Кыдырбек смущенно сказал Петру Федоровичу:

— Мне очень хочется петь еще... каждый вечер. Я должен стать артистом.

Затем в жизни Чодропова все пошло закономерно и просто. Театр оперы и балета набирал артистов в хор. Петр Федорович благословил своего питомца. Чодронову устроили пробу, приняли и с тех пор, как говорил Станиславский, он стал иметь дело «не с одним, а сразу с тремя искусствами», т. е. с вокальным, музыкальным и сценическим.

Красивый голос Чодропова не мог остаться незамеченным. Ему стали поручать небольшие партии. Басмач Насыр в киргизской опере «Счастье народов» и Кочоро в «Айчуреке» были его первыми сольными выступлениями. Работа в театре была для Чодропова и консерваторией и студией. Он рос на подмостках сцены от спектакля к спектаклю, от партии к партии.

Через несколько лет, в 1943 году, состоялся дебют Кыдырбека Чодропова в ответственной партии Семетей оперы «Айчурек». Зрители увидели сына легендарного батыра Манаса, смелого и пылкого Семетей, унаследовавшего от отца силу и мудрость, умеющего повелевать, карать и миловать. Голос Чодропова звучал мужественно, ровно, его поздравляли с творческой удачей.

Вскоре из Москвы во Фрунзе приехала группа работников для отбора молодежи в национальную студию при Московской консерватории. Чодропова прослушали, увидели в спектаклях и без промедления приняли. Студия обосновалась временно во Фрунзе, и Чодронов, не покидая театра, начал заниматься по вокалу у преподавателя Тонского. Через год студийцев перевели в Москву, но Чодропова не отпустили из театра. Только четыре года спустя он смог попасть в Москву и продолжить учебу в студии, уже у нового преподавателя, известного в Москве баритона Гуго Типа.

В Москве можно было учиться не только в студии. Чодронов посещал Большой театр, его Филиал, театр Станиславского, слышал в них русские и западноевропейские оперы, разыскивал в нотных магази-

нах клавиры и одним пальцем «выстукивал» на рояле партии. Засыпая, он представлял Норцова в роли Онегина, Сливинского — князем Елецким, Бурлака — в роли весельчака Фигаро. Говорили, что Бурлаку, в то время было уже за пятьдесят лет, и Чодронов удивлялся, как умеют перевоплощаться настоящие мастера сцены.

В студии он учился всего три года, вместо положенных пяти, потому, что его вызвали во Фрунзе. Театр тогда готовил «Фауста», и Чодронову дали партию Валентина.

«Бог всеильный, бог любви...» — беспечно распевал он несколько лет назад случайно услышанную по радио арию. С тех пор, как говорят, много воды утекло. Теперь, став профессиональным певцом, он отлично понимал сложность этой партии: при высокой тесситуре и большой драматической выразительности она вместе с тем, должна звучать свободно и легко. Кроме того, Чодропова смущало русское произношение. Пойти отказать? Нет, ведь он давно уже мечтает об этой роли. И Кыдырбек списал с клавира весь текст партии и над каждым словом в нужном месте поставил ударение.

На занятиях и репетициях Чодронов проходил партию с концертмейстером, дирижером и режиссером, ему помогали товарищи, а дома правильно произношение слов проверяла жена. Много сил отдал он Валентину, и зрители приняли его тепло, Чодропова похвалили в рецензии.

А несколько времени спустя Чодронов исполнил (и уже гораздо лучше!) партию изысканного аристократа Жермона в опере «Травиата» Верди и Шарплеса в «Чио-Чио-сан» Пуччини. Но лучше всего он показал себя в русской оперной классике — в партиях Алеко и князя Елецкого.

Партия Елецкого сложна не только в вокале. Артист должен суметь донести до зрителя духовную эволюцию, которая совершается в князе Елцеком от первой до последней картины. Блестящим гвардейским офицером екатерининских времен видим мы в первой картине Елецкого — Чодропова. Военная выправка, сдержанность движений. Великосветское воспитание не позволяет обнаруживать свои чувства. И только наедине с самим собой — в небольшом лирическом отступлении «Счастливым день, тебя благословляю» Елецкий раскрывает свою душу. Любовь к Лизе, всеобъемлющая, всепоглощающая любовь — вот чем он живет и дышит...

Кстати, об артистической сдержанности — неременном условии всякой художественности. Она у Чодропова органична, это такт, чуткость, данные природой. Он поет мягко, без внешней аффектации и нажима, но с большой силой внутреннего чувства, которое придает голосу нужные оттенки и волнует зрителя.

Мы не знаем, что происходит с Елцеком на протяжении нескольких картин, в которых он не появляется. Не знаем, много ли раз он встречался с Лизой, объяснялся ли с ней, заметил ли открывшуюся в своей невесте страсть к Герману, — но мы видим, что в картине бала князь Елецкий уже не тот. Внешних перемен не заметно, ни словом не обмолвился он о своих страданиях и произносит только: «Но знаю, чувствую теперь я, как чужд я вам и как далек». Однако зритель видит, что Елецкий страдает, что ему тяжело, больно.

Ария Елецкого звучит у Чодропова легко, мягко, голос летит, «твердый орешек» для многих баритонов — верхняя нота «соль» берется свободно и звучит наполненно.

В игорный дом князь Елецкий является с жаждой мести, он хочет вызвать Германа на дуэль, он будет нуждаться в секунданте. И фраза: «Я знаю, что я делаю, у нас с ним счеты», — звучит у Чодропова твердо, сильно, с металлическим оттенком.

Такой же «металл» в голосе ощущается у него в партии Алеко, в сцене убийства молодого цыгана. Даже не верится, что акт назад тот же Чодронов пел нежно и задумчиво: «Земфира, как она любила!...».

В партии Айдара из оперы «Айдар и Айша» и Искандера из оперы «Аджал-ордуна» Чодронов долго был единственным и сейчас остается лучшим исполнителем.

За творческие успехи Чодронову в 1954 г. присвоено звание заслуженного артиста Киргизской республики.

Чодроновым пройден немалый творческий путь, полный сомнений, исканий, раздумий, но он еще молод, ему предстоит воплотить на сцене много новых образов.

Сейчас его творческая заявка — партия Онегина.

Е. КОРОЛЕВА.